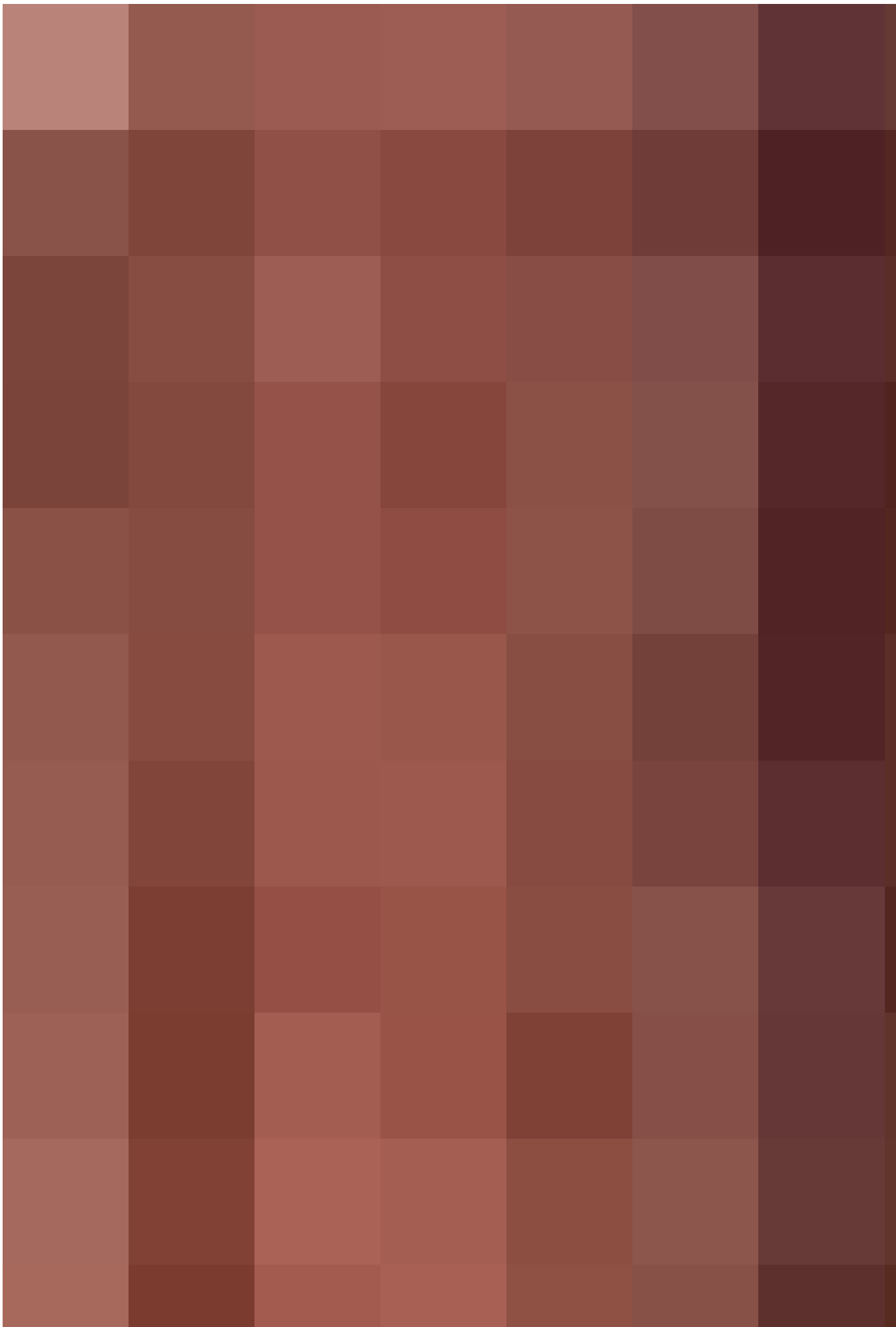

Андрей Юрьевич Анисимов

Записки рыболова

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8957315

Аннотация

Эту книгу с интересом прочитают многие. И те, кто ностальгически вспоминает, как можно было прежде ездить по огромной стране, не пересекая при этом ни одной государственной границы. И знатоки рыбной ловли или просто любители природы, не слишком испорченные цивилизацией. Автор – рыбак почти с полувековым стажем, по образованию художник, а по роду основной деятельности писатель. Вот почему его глаз зорок, наблюдения красочны, а текст легок, точен и увлекателен. Он захватывает и не отпускает читателя с первых страниц до последних строк.

Содержание

О чем и почему 4
Треска и феи 6
Стакан водки и головастики 8
Родственники жены – не всегда зло 10
Партийный карп на буковине 14
От волжского мата к семейному скандалу 17
Пусть сильнее грянет буря, когда я в тепле и под крышей. 21
Преодолевая склероз и время 23
Встреча с морским волком 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Андрей Анисимов
Записки рыболова

О чем и почему

Не стоит воспринимать эту книгу, как пособие начинающему рыболову. Конечно, за пятьдесят лет ужения, делу которому я никогда не изменял, чего не могу сказать о многих других делах, некоторый опыт и наблюдения появились. Рыбы как и люди имеют разные замашки и потому, направляясь за ними на охоту, это следует учитывать. Например, плотва дура, дурой и надо только знать что она ест в данном водоеме в данное время. Но даже если и этого не знать, все равно поймаешь ее на тесто, хлеб, или ручейника. Другое дело хитрый линь. Этот тихоня осторожен и привередлив. Он словно вечно напуганный буржуа всегда ждет подвоха. Простофиля, лещ придет на прикормку, и характерно приподнимет поплавок трубой своих губищ, а потом плавно потащит вниз.

Щука жадина и обжора. Я не раз вытаскивал щук, в брюхе которых было по несколько крупных плотвиц. В Одессе говорят: «Жадность фраера сгубила». Сгубила она и не одну щуку. Окунь бесцеремонен и смел. Хватает и червяка и малька, только найди его стаю. Форель умница. За ней по быстрым речкам придется потопать. Раз забросил, не поймал, больше не возьмет.

За свой рыбацкий стаж я исколесил не только Россию. И куда бы я ни ехал, если даже цель поездки была вовсе не рыбацкой, в багажнике машины (а машин изъездил больше дюжины) всегда рыболовные снасти.

Если перечислить водоемы, куда довелось забрасывать крючок с наживкой, придется заполнить не одну страницу. Среди них Тиса и Буг, Кубань и Волга, Волхов, Гауя, Кейла, Взыбь, Кура, Аму-Дарья и Медведица, Балтийское, Азовское, Черное, Средиземное море, озера Селигер, Сиваш, Унгури, Чудское и множества мелких без известных названий.

Но опыт опытом, а тонкого спортивного изощрения от меня здесь ждать не следует. Вообще спорт ли рыбалка? Конечно за время рыбацкого стажа выпало не мало приключений – пришлось выплывать в ураганный ветер, бегать на веслах до одурения в поисках кружков, пробираться сквозь колючки на горных речках в погоне за форелью, промокать в палатке, застревать и вытягивать машину. Все элементы приключенческого жанра в рыбацкой судьбе присутствуют. Помню с Сенежского последнего льда, который к полудню раскис, меня добывали местные танкисты на военной амфибии… А сколько раз случалось тонуть – отдельная повесть. Но при всем при этом, я рыбалку как спорт не воспринимаю. Рыбалка это страсть. Если нет поблизости водоема, мне такое место для жизни, а еще точнее, для полной жизни даром не нужно. В этих записках я, конечно, поделюсь своими рыбацкими хитростями, но кроме самого ужения в рыбацких походах очень много всего помимо рыбы. Это и удивительные встречи, удивительные судьбы, невероятные ситуации. Сколько я повстречал людей в своих поисках рыбы. В основном это конечно мужчины. Поэтому я и назвал свою книгу «МУЖИК и РЫБА». Каждое место, запомнившееся по рыбацкому сюжету, тянет и воспоминания о встречах. Чаще всего такие встречи больше не повторяются. Коснулся человек твоей судьбы и исчез. Эта книга еще и дань этим встречам.

Свои романы и повести я всегда стараюсь наполнить острыми сюжетными коллизиями, считая, что художественная литература без увлекательного сюжета, словно кастрированный кот в квартире старой девы. Рыбацкие записки это особый жанр. Но для рыбака каждая рыбалка имеет свой острый сюжет и потому, рыбаки со мной согласятся, что описание события вполне можно назвать остросюжетным, а читателю к рыбацкой теме равно-

душному, я бы вообще не советовал брать эту книгу в руки. Для него в моей прозе найдется немало других названий.

Треска и феи

Друзья ничего не смыслящие в рыбалке, сочувственно спрашивают, когда я возвращаюсь со смехотворным уловом – Ты, наверное, сидел в лодке и думал о будущих книгах? Чтобы не огорчать друзей, киваю головой. На самом деле должен честно признаться, когда гляжу на поплавок, в голове не одной мысли. Ни только о будущей книге, а просто ни одной.

Что же за радость сесть в лодку, подобраться к заветному камышу или омуту, забросить удочку и задуматься о посторонних вещах?! Поплавок тем и хорош, что эта замечательная штука поглощает тебя с потрохами. Не приобщенная к нашему таинству публика, ухмыляется, когда супружница сообщает, будто ее муж отбыл на рыбалку. Обыватель уверен, что супруг взял удочки для блезиру и направил свои стопы к свежей деве, дабы супружница приелась. Помню бородатый анекдот: – малолетний детеныш вопрошает у маменьки:

– Мама, есть ли такая рыба, маникюрша?

– Нет, сыночек.

– Почему же папа сказал, что они вчера поймали маникюршу и жарили всю ночь?

Подобных анекдотов сколько угодно. Кстати, не только в русском бытовом фольклоре рыбак ассоциируется с гулякой и бабником. Французское «pecher» также несет двоякий смысл.

Не хочу говорить за всех, но за себя скажу с полным основанием, что очень редкая женщина может заставить отказаться меня от рыбалки. Пожалуй, лишь в ранней юности я пытался совместить оба увлечения и брал барышень и удочки. Но очень быстро разобрался, что эти удовольствия надо делить. Свои убеждения я неоднократно поверял практикой. Могу привести совершенно конкретный случай. В конце восьмидесятых, мой приятель, начальник солидной организации, пригласил меня выйти в море с лирической целью. Его учреждение имело приписанный кораблик и вечно готовую к отплытию команду.

– Можно я вместо лирики займусь рыбалкой? – Спросил я. В те годы выход в море был делом мудреным и требовал множества пограничных формальностей. Я резонно заметил, что лирикой можно заниматься и на берегу, а вот треску ни на берегу, ни в речках поудить нельзя.

– Делай, что хочешь… – Улыбнулся мой друг: – Я захвачу для страховки еще одного парня, но и ты не зарекайся. – Он был абсолютно уверен, что прелестные феи, которых он пригласил в плавание, заставят меня забыть о треске. Но не тут то было. Треску я в жизни ловил первый раз. Чего о феях сказать не могу.

Я спросил, пожилого ветерана, возившего моего приятеля на казенной черной «Волге», какую нужно брать снасть. Старый водитель ни в первой выходил в море, и пока хозяин предавался греховным радостям, тягал треску.

– Бери спиннинг пожестче, леску потолще и блесну потяжелее. – Посоветовал он. Я точно выполнил наказ и вот мы на борту. В каюте, за уютно накрытым столом, мне представили юных прелестниц. Я поцеловал им ручки и стал готовить снасть. За пятнадцать минут, пока суденышко миновало пограничную вышку и я на палубу выходить не имел права, поскольку плыл без разрешения «зайцем», успел сделать дивам несколько банальных комплиментов и выпить с компанией рюмку водки. Ветеран готовился к ловле не палубе. Он имел все необходимые разрешения, и пограничники это знали. Кораблик вышел, примерно, на километр, в глубь залива. С моря Таллинн выглядел сказочно. Но долго красотами я любоваться не стал. Суденышко выключило двигатели и легло в дрейф. Ужение трески не требует особых выкрутасов. Жесткий спиннинг с киевской катушкой, тяжелая блесна метров на двадцать летит вниз. Дальше необходимо делать движение мормышечника у лунки. Раз-

ница лишь в том, что движения эти гораздо размашистей и крупнее. Ни удара, ни поклевки я не ощутил. Ощутил тяжесть.

– По-моему зацеп, – сказал я ветерану.

– Треска – невозмутимо ответил он. Я принялся наматывать лесу на катушку. Тяжесть двигалась, но без живого трепета рыбы. Наконец, еще в глубине, я заметил, как ко мне снизу идет треска. Ее белое брюхо вращалось и мерцало сквозь голубую толщу. Рыбина все ближе. Вот ее голова вышла из волны.

– Теперь поднимай на борт. – Приказал ветеран. У него тоже села треска, и он скручивал лесу. Действительно, самым трудным оказалось поднять рыбину на борт. Хорошо, что я послушал знатока и взял стальной спиннинг. И он согнулся до предела. Пластик я бы, конечно, поломал.

Не без напряжения подтягиваю треску. Вот она прыгает по палубе. Килограмма на три – сообщаю я.

Не больше двух. – Отвечает водитель, и вытаскивает на борт рыбину, вдвое больше моей. От волнения лезу за сигаретой.

– Лови, под нами косяк. Курить успеешь. – Советует мой наставник. Я снова опускаю блесну. Рыбалка превращается в работу. Две, три, четыре. За час выуживаю девять рыбин. Вес каждой от двух до четырех килограмм. Основная часть трески – голова. Она и весит половину. Случалось, я покупал треску на таллиннском рынке. Варил уху и жарил, но особого наслаждения от результата не испытывал. Теперь, попробую свеженькую. Мне часто доводилось слышать, что свежевыловленная треска замечательна на вкус и резко отличается от покупной. Должен признаться – никакой разницы. Волокнистая, мочалистая рыба. Одна радость, костей мало. Возможно, дальневосточная трека съедобнее. Но там я ее не ловил, и врать не хочу. Не могу сказать, что и сам процесс ужения трески оставил необычайное впечатление, но и спустя годы готов твердо заявить, что никогда не жалел о своем выборе в тот день между рыбалкой и лирикой. Тем более, что теперь косяки этой рыбы обходят наш залив стороной, и рассказы о ее ловле отошли в область рыбацких преданий.

Стакан водки и головастики

Если совмещение рыбалки и лирики к хорошему не приводит, то еще меньше радости совмещать рыбалку с горьким пьянством. На эту тему народ придумал не меньше анекдотов. Самый распространенный из них: друзья собрались на рыбалку и в машине спрашивают один у другого:

– Огурчики взял?
– Взял.
– Колбаску взял?
– Взял.
– Минералочку взял?
– Взял.
– Водочку взял?
– Обижаешь! Пять бутылок…
– А удочки?
– Забыл.
– Ну и хер с ними. Возвращаться дурная примета…

В студенческие годы мы собрались на Шатурские озера с компанией ребят из биофака МГУ. Двое из них учились на вечернем, а днем подрабатывали лаборантами. Кроме снастей в их рюкзаках покоилось литровые бутылки с медицинским спиртом. Пить мы начали прямо в вагоне. Молодые организмы принимали спирт легко. Нехитрая закуска вроде «частика в томате» вполне удовлетворяла. Девок среди нашей компании не было, и мы рассказывали мужские похабные анекдоты, до слез хохотали и с каждым десятком километров нас грело все больше и больше. Кто-то запел. Все шло прекрасно. В Шатуре мы вывалились из поезда, радуясь, что даже контролеры оставили нас в покое. Ехали мы, естественно, без билетов. Видно, шесть дюжих, сильно поддавших молодцов двум проверяющим дамам показались опасной бандой и они, пожурив нас, ретировались. Шатура для опасной банды не являлась конечным пунктом маршрута. Память, сильно затуманенная спиртом, не может восстановить события достаточно точно. Помню, что требовалось еще километров сорок преодолеть на местной кукушке по узкоколейке. Гогоча и выкрикивая всевозможные глупости, мы двинулись по шпалам узкоколейки пешком. Сколько шли, и почему приняли такое решение, теперь объяснить не могу. Но отчетливо помню, что паровозик запыхтел сзади, выпуская злобный дым и надрываясь гудком. Рельсы мы не уступили, и составу пришлось остановиться. Мат машиниста компания восприняла как очередную шутку. Отбранив нас, он все же дождался, пока мы погрузимся, и за стакан спирта согласился остановиться у нужного места. Там начиналась цепь небольших озер, и официальной остановки не имелось. К приглянувшемуся озерцу мы притопали, когда солнце село. Если учесть, что большая часть спирта нами уже была освоена. можно представить, как мы ставили палатки…

Проснулся оттого, что у меня горит бок. Для устрашения комаров я чадил кубинскую сигару. Сигары в те времена продавались в каждом ларьке и стоили копейки. Когда я повернул горящий бок к земле, раздалось шипение и, пошел дым. Видно, сигару затушил не до конца и сунул в карман, а палатку мы умудрились поставить на болоте.

Когда, наконец, рассвело, оказалось, что мы встали биваком на берегу большой болотной лужи, глубина которой не превышала 30 сантиметров, и кроме головастиков и плавунцов в ней ничего не водилось.

Обратно ехали молча, каждый проклинал себя и всю честную компанию. С тех самых пор напиваться в рыбацких походах я завязал. Это вовсе не значит, что вечером у костра не

позволить себе под уху чарку, другую. Стакан водки, выпитый на природе перед сном, прекрасно венчает удачный рыбацкий день и вовсе не приводит к тупому опьянению. В темноте ночи, когда кончаешь ловить, переставая видеть поплавок, уха с чаркой и беседа с рыбаками большое удовольствие. Без таких костров и таких чарок рыбалка стала бы куцей. Но напиваться до дури – значит портить себе охоту, и сводить на нет, все ради чего потрачено столько усилий. Усилий убедить семью и получить отгул, выкроить несколько дней для упоительного хобби, собраться, наконец, как следует, проехать сотни километров… Зачем? Для того чтобы напиться, достаточно позвать собутыльника, спуститься в магазин или открыть холодильник…

Родственники жены – не всегда зло

Теперь о памяти. Не знаю как у других рыбаков, а я отчетливо помню все хоть чем-нибудь замечательные рыбалки. Я не признаю рыбалки зимней. Понимаю, что в ней есть свой азарт и свои радости. Но я должен видеть воду, чувствовать, как она движется, где у нее водовороты и обратные течения, мели и перекаты, где тихие заводи. Очень люблю ловить в быстрых реках, но иногда стеречь леща, карпа или сазана в тихой воде не менее увлекательно.

Конечно, лучше запоминаются крупные трофеи. Но не только уловом замечательно это хобби. Простите за иноземное слово, русский язык не имеет синонима. Хотя считаю, что все остальное в моей жизни хобби, а рыбалка и есть то, ради чего стоит жить.

Я не раз думал, почему кусочек пенопласта, окрашенный в яркий цвет, так завораживает? Или это просто дикарская жадность к добыче, словленной собственными руками? Нет, тогда я не брезговал бы сетью или телевизорами. А мне сеть совершенно не интересна, да и рыба, вытянутая из нее, не кажется такой желанной, словно куплена в магазине. В рыбацкой памяти застревают и совсем мелки штрихи, и целые события связанные с ужением. Иногда и не рассчитываешь, что произойдет чудо, а оно происходит. Иногда едешь на заведомо чудесную ловлю, а приезжаешь пустой и без рыбы и без впечатлений. И еще одна особенность рыбацкой натуры – хочется поделиться. Поделиться с понимающим тебя собеседником. Тоже рыбаком. Другой – не поймет. Случаи, о которых пойдет речь, произошли в моей рыбацкой судьбе в разные годы, и я не стану соблюдать хронологию, потому что для данной темы хронология не имеет ни малейшего значения…

У моей первой жены родственники каким-то образом проживали в Николаеве. Я упросил ее отправиться к ним, в надежде, что смогу по их наводке найти на Буге рыбачьи места и вдоволь поудить разную рыбу. Хотелось выловить такую рыбину, которая не водится в нашей средней полосе.

Милый частный домик в плюще и винограде. Хлебосольный хозяин – редактор местной газеты. Его, только что вернувшийся после армии, сын, дюжий молодец, похожий на Микулу из Гоголя. Сын на днях сыграл свадьбу. Его новобрачная, еще совсем ребенок с голубыми глазками удивленно раскрытыми в мир и хорошенькой головкой, вовсе не приспособленной к мыслительному процессу. Нашу хозяйку, жену редактора, я совершенно не помню. Отсидев положенные три часа за столом, что само по себе является для меня испытанием терпения и воли, я упросил наших любезных хозяев поскорее вывести нас на Буг. Нас привезли к маяку и поселили в домике для отдыха, возле смотрителя. Служитель маяка имел две коровы, что облегчало проблему питания. Коровы это и молоко, и простокваша, и творог, да и само присутствие этих милых и доброжелательных тварей, делает существование надежным и уютным.

В Буге я никогда не рыбачил и не знал, что там водиться. Но всегда возил с собой поплавочную удочку и спиннинг. Знаю, что рыбаки делятся на поплавочников и спиннингистов. Я типичный поплавочник. Блеснить не люблю, но на хищника охочусь с удовольствием. Спиннинг использую как удочку, с большим поплавком и тяжелым грузом. Спиннингом я ловлю хищника на живца. Настоящие спиннингисты гордятся меткостью и точностью заброса. Должен сказать, что живца тоже шныряю изрядно и могу попасть в оконце травы за пятнадцать, двадцать метров. Заброс наживки под берег, не менее сложен, требует особой меткости и глазомера. Кроме того, ловить на живца вовсе не значит бросить крючок с приманкой и ждать поклевки. Но об этом я расскажу в другом месте. На Буге же, мне из спиннинга пришлось делать донку, потому что здесь все ловят на донку. Первая проблема, с которой сталкиваешься в засушливых степных районах – насадка. Добыть червяка в сухом

песчаном грунте затея безнадежная. Червей приходится копать в реке. Это довольно хлипкие плоские оранжево – желтые создания. Они легко рвутся, и добыть их труд еще тот. Берешь лопату и по колено в воду. Зачерпнул и на берег. Ком песка разваливается на части, и сразу видишь, есть или нет. Если повезет, и нападешь на место, в одном заходе получишь два три червяка.

В Буге водится много разных пород рыбы. Водится в нем и большой бычок – ротан. Эта рыбка достигает двухсот грамм, весьма прожорлива и нахальна. Ее можно ловить и на резку, – кусочки рыбы. Это я узнал у смотрителя маяка, благо тот совмещал свое смотрение с рыбалкой. С вечера приготовил все. Несколько раз прошелся по берегу, оглядывая широченный Буг. От волнения предстоящей охоты заснуть сразу не удается. Долго ворочаюсь, предвкушая утренний поход. Несколько часов тревожного сна и долгожданный рассвет. В лодке поплавочное удилище, спиннинг, переделанный в донку и снабженный несколькими крючками десятого номера. Червяки в плоской черной коробке с дырочками, приобретенной много лет назад в Москве на Новоконной площади. О знаменитом московском «Птичьем рынке» еще поговорим. Кроме удилищ, на дне лодки подсачек, корзинка с творогом, бутылка молока, в кармане непочатая пачка сигарет. Во время рыбалки очень курится. Не знаю, как уйти от этого вредного занятия, но ничего не могу поделать. В отдельном целлофановом пакете коробок спичек, зажигалка может отказать, кончится газ или вылетит кремень. В последний раз проверяю поклажу, и отпихиваюсь от берега. Огромная река бесшумно плывет навстречу розовым туманом. Накануне, выспросил у своего хозяина, каков рельеф дна. Знаю, что гребу над мелью. Эта мель уходит в глубину песчаной косой и там уже метра два, затем глубины. Меряю дно шестом. Пока мелко. Медленно продвигаюсь в задуманном направлении. Еще вчера, решил, что стану на краю отмели.

Во-первых, на меня не наткнется пароход, во-вторых, конец отмели и начало глубины, излюбленные места кормежки разных рыб. Не знаю, как объяснить это чувство – настоящие рыбаки меня поймут. Даже на незнакомом водоеме, не слишком представляя характер местного рыбьего народа, подспудным, нутряным зрением, находишь место. Опускаю шест, и он не достает дна. Подаю назад. Шест нащупывает крепкий грунт. Бросаю якорь с носа, устанавливаю лодку вдоль конца мели и бросаю второй груз с кормы. Теперь не будет мотать ни течением, ни ветром. Расправляю удилище. Не терпится забросить снасть… Тогда можно затянуться и первой сигаретой. Вот только кину прикормку… Но где она? Ведерко с пареным комбикормом, смешанным с песком я приготовил еще вчера. Мой хозяин любезно показал, где лежат в сарае мешки для коровьего рациона. И теперь в самые волнительные минуты понимаю, что ведерко оставил на берегу. Внутренний голос произносит по адресу собственной персоны весь имеющейся в глубинах памяти джентльменский набор. Ругаться вслух не дает удивительная красота утра. Край солнца только появился и клубящийся туман ползущими клочьями то открывает край светила, то размывает его. Герценовский вопрос – что делать – встает неотвратимо. Возвращаться – плохая примета. Так хорошо поставил лодку. Снова вытаскивать грузы? Но, пересилив сомнения, – без прикорма серьезной рыбалки может и не получиться – решаюсь.

Полчаса потеряно. Прикормка в лодке. Внутренний голос понемногу перестает извлекать ненормативные характеристики в собственный адрес. Снова отыскиваю конец мели. Нахожу его, но не в том месте. Здесь не только кончается мель, но и течение дает обратный ход. Широченный круг, тихая воронка катит струи в радиусе двадцати метров. Такое может лишь присниться в рыбацком сне. Глубина подо мной метра полтора и дальше яма. Снасть уже приготовлена. Наживляю плоских оранжевых червяков и забрасываю поплавочную удочку. Через секунду поклевка. Я еще не успел запалить сигарету. И полное разочарование – обыкновенная плотва. Рыбка граммов на пятьдесят. Где-нибудь на подмосковной Яузе это трофей. Но тут, на далеком мощном Буге, плотвичка выглядит, как насмешка. Вспо-

минаю советы смотрителя, достаю ножик и разрезаю рыбку на небольшие кусочки. Заряжаю крючки донки и забрасываю снасть в глубину ямы. Пока вожусь с поплавочным удилищем, конец спиннинга начинает нервно дрожать. Хватаю спиннинг – есть. Наматываю катушку. На двух крючках сидят грязно коричневые бычки. Я не знал, что они бывают такие огромные. Жадные пасти не хотят отпускать кусочки плотвы. Первый трофей падает в садок. Забрасываю поплавочную удочку. Снова поклевка, но не быстрая, а с кладкой поплавка. Подлещик, грамм на четыреста. Это уже нечто. Снова забрасываю донку, с теми же кусочками плотицы. Я выдрал их из цепких бычачьих ротиков. За ротики их тут и кличут ротанами. Снова бычки. На этот раз все три. Два больших коричневатых с разводами, а один меньше, но черный, и не такой головастый. Понимаю, что с двумя удилищами, поплавком и донкой не справлюсь. Любовь к поплавку пересиливает. Донку откладываю в сторону. Поплавок тянет течение, он то движется, то тормозит грузом за дно. Поклевка резка, не успеваю заметить. Подсекаю. Что-то очень солидное. Ведет себя не привычно. Тяжело и тупо сопротивляется. Дрожащими руками наматываю обороты на катушке. Через минуту вывожу нечто черно-белое и плоское. Камбала. Рыбина грамм на семьсот, но за счет плоского тела, которым она упирается, ставя его поперек, кажется килограмма на три. Беру подсачком, разглядываю. Какая же красивая тварь. Это совсем не та серая подошва, что мы привыкли видеть в рыбных отделах московских магазинов. Густо черная с коричневым спина, и ослепительно белое брюхо. Маленький ротик так цепко держит крючок, что приходится повозиться, чтобы достать его. Пять бычков, подлещик и камбала минут за пятнадцать ловли. Да Буг, это не Клязьма. Наконец торопливо выкуриваю сигарету и только после этого снова забрасываю. Минуты три поплавок болтается по кругу течения. Потом останавливается. Странно… Это место он проходил несколько раз без задержки. Жду. Ничего. Поплавок словно прилип на месте. Поднимаю удочку, чуть подсекаю, опасаясь зацепа. Снасть бешено рвется вглубь. Чувствую, что на этот раз рыба серьезная, а я даже не успел подсечь путем. Не ожидал поклевки. Рыба выходить из воды не хочет. То затягивает под лодку, то уходит в яму. Беспокоюсь, что она зацепит мне леску за канаты груза. Пока умудряюсь этого не допускать. Но сил у рыбины полно и она не думает подтягиваться к сачку. Чувствую, что рвать нельзя, леска не выдержит. Но подлый рыбацкий азарт заставляет добавить усилие и сразу легкость… Эту гнусную легкость, после длительной борьбы с рыбой знает каждый рыбак. Что простительно новичку, то не прощается опытному мастеру, а я наивно считал себя таковым. Матерюсь и восстанавливаю снасть. От волнения долго маюсь с ушком крючка. Что за рыбу я упустил? На наших водоемах гадать бы не пришлось, а тут, на Буге, когда после обыкновенной плотвы, на крючок садится морская камбала, не знаешь, что и думать. Хоть какую-то информацию могла бы дать поклевка, но поклевки как таковой не было.

Солнце выползло, разгоняя туман. Соседний берег, далекий как в перевернутом бинокле, белеет точками хат. На бугре деревенька. По берегу плакучие ивы. Но мне не до пейзажа. Забрасываю удочку, добавляю подкормки. Поплавок продолжает свой танец. Поклевка следует через минуту. Характерная лещовая. Поплавок приподнимается, ложится, затем привстает и медленно ползет в глубину. Подсекаю. Лещ. Вываживаю за несколько минут. Поднятый он перестает сопротивляться. Красивый, золотистый, кило на полтора. Кладу его в садок и долго тру руки о штанины. Слизь у леща особенная. Руки липнут. Штаны не лучшее, что есть на свете для вытирания рук, но тряпку я не взял. Следующий час лещи и подлещики клюют не переставая. Один возле двух кило, остальные около килограмма и меньше. Садок уже тяжело поднимать. Но не оставляет азарт снова получить упущенную рыбу. Та по руке не меньше трех, четырех кило. Клев леща внезапно кончается. Бросаю подкормку. Поклевки больше не мешают выкурить сигарету. Проходит минут пятнадцать, и поплавок продолжает болтаться в водовороте без всяких признаков жизни. Начинаю расслабляться и оглядывать пейзаж. Где-то за маяком затарахтел трактор. По Бугу потянулись

самоходные баржи река-море. Расслабуха на рыбалке опасна. Поплавок ныряет вглубь, без колебаний. Так берет щука на живца. Подсекаю, и снова замирает сердце. Противник в глубине что надо. По повадке чувствую, что это мой старый знакомый. Но теперь я хладнокровен. Я готов побороться и не спешить. Мы пробуем друг друга, чьи нервы окажутся крепче. Рыбалка и так удалась. В садке килограммов двенадцать рыбы. Что с ней делать не понятно. С женой мы столько съесть не сможем, а нашего хозяина рыбой не удивишь. Стараюсь не давать слабины в леске. Рыба рвется под лодку, затем в яму. Это продолжается пять, десять, пятнадцать раз.

Понемногу зверюга устает. Но стоит мне подвести ее к полуметру от кромки воды, снова рвется в глубину. Чертов зверь. Вот он. Голавль. Рыбина килограмма на два не больше, а какая силища. Думал килограмм шесть выну. Беру его сачком, он уже готов, лежит на боку, показав светлое брюхо и кроваво красный нижний плавник. Красавец. Не могу положить в садок, вдоволь не налюбовавшись. Снова дрожь в руках, достаю сигарету. Все, больше сегодня ловить нельзя. Пропадет вкус. Такая великолепная точка должна стать последней. Теперь можно и расслабиться. Возле нашего маяка какие-то люди. Хозяин заводит машину, они садятся и уезжают.

Медленно шевеля веслами, плыву к берегу. Удовлетворение от такой охоты можно сравнить лишь с чувством удачно законченной книги. Эта рыбалка ляжет веселой памятью в рыбацкую копилку. Многое забудется за годы, а черно-белая камбала и последний голавль, словленный на Буге, запомнятся до конца дней.

Партийный карп на буковине

Как появляется география рыбацких путешествий? Наверное, по-разному. Это зависит и от характера рыбака, и от его рода занятий. У меня случались самые неожиданные встречи и от них возникали новые маршруты. Я вдруг попадал в места, о которых не имел понятия. Однажды в Москве, сев в такси, я ехал в Переделкино, неожиданно разговорились. Добродушный водитель, оказался родом из Черновцов. Слово за слово – рыбак рыбака видит издалека. Таксист, став москвичом, сохранил в душе тоску по родным местам, которые с годами еще и идеализировал.

– Рыбалка на Буковине, это тебе скажу, рыбалка. Я выловил короба на десять кило, когда в прошлом году ездил на родину в отпуск.

Я, конечно, развесил уши. Приехав в Переделкино, мы еще полчаса сидели в машине, дабы счетчик считал в те годы копейки, а беседа на рыбацкую тему была мне куда дороже. Кончилась встреча тем, что я записал московский телефон водителя, адрес его брата в Черновцах и пригласил моего нового знакомого со мной отобедать. Таксист был на линии и еще не набрал план. Московские таксисты во времена развитого социализма должны были рублей двести привезти в парк и еще что-то положить себе в карман. Немалая толика уходила мелким начальникам и диспетчерам, подкармливать приходилось и механика и сменного мастера. Мой новый знакомый, поэтому, пообедать со мной не смог и больше я его никогда не видел. Прошел год или два, я с режиссером готовил сценарий для Ташкентской студии. Работать мы решили на Эльбрусе, в доме моего отца, заядлого горного лыжника и страстного фаната гор. Летом его дом пустовал за отсутствием снега, и я пригласил туда режиссера. Кроме него, я приволок и своего тбилисского друга, который должен был по ходу жизни обучать меня английскому. Я готовился в заграничное турне и нуждался в языке. За режиссером увязалась некая ташкентская дама, приписанная к картине в качестве редактора. Даму звали Ириной, и осталась она у меня в памяти благодаря тому, что требовала написания слова Аллах с маленькой буквы. Не по причине атеизма, а от безграмотности. Был я молод, самоуверен, и любил компании. Мой тбилисский приятель привез с собой невесту балеринку. Тогда она была просто его девушкой, а невестой стала в процессе путешествия. Они живут до сих пор, и, кажется счастливы. И так, режиссер, дама редактор, тбилисский друг с девушкой и еще, в качестве лирического дополнения, моя приятельница Наташа. Этой веселой компанией мы оказались в поселке Терскол Кабардино-Балкарской АЭССР, в пустом доме моего батюшки. Из окна дома в безоблачную погоду виднелись обе главы белоснежного великана Эльбруса, и было не жарко, что после Ташкента казалось раем. До обеда мы с режиссером честно сидели за сценарием, а по вечерам предавались всяческому веселью, не брезговали и Бахусом.

Я не любитель горных лыж, и к стыду рода носящего фамилию одного из горнолыжных корифеев державы, кататься на них не умею, Батюшка не раз пытался меня вовлечь, но очереди на канатных дорогах плюс невероятная скученность народа возле трасс, меня раздражали, и папаньке пришлось смириться. И потом, рыбак – это уже образ жизни. Изменять рыбалке я не хотел.

Днем, если сценарий заходил в тупик, мы с тбилисским другом нанимали местных лошаденок и объезжали окрестность. Особенность четвероногого транспорта заключалось в его необычном упрямстве. Лошадки не желали сворачивать с троп привычных маршрутов и возили седоков от шашлычной, до шашлычной. Сдвинуть их в сторону никакой возможности не было. Не помогали не ласки, ни поощрения сахаром, ни угрозы кнута. Пришлось смириться и трусить от шашлычной Азау, до кафе возле канатки Чегета. Но нас это не угне-

тало, поскольку пейзажи были восхитительны, и каждое облачко или тучка изменяли их до неузнаваемости.

Если не считать даму редакторшу, она в нашу компанию не вписывалась, за десять дней совместной горной жизни мы так сладили наш быт, что, закончив сценарий, не хотели расставаться. Решили продолжить отдых совместным путешествием. При раздумьях о маршруте, я вспомнил московского таксиста и его брата в Черновцах. Девушка тбилисского друга, балерина, должна была отметиться в театре, чтобы не упустить зимних ролей в грядущим сезоне. Мы договорились, что она к нам присоединиться в Черновцах но, поскольку не знали, где остановимся, условились общаться через центральный узел связи.

К всеобщему удовольствию, дама редактор сошла, к родственникам в Ростове. Тепло попрощавшись с ней на перроне, мы отплясали дикий танец радости и поехали дальше.

На Западной Украине мне раньше бывать не доводилось, и я до сих пор не перестаю радоваться своему бездумному экспромту. С годами способность к подобным поступкам утрачиваешь. Черновцы, к моему удивлению, имели вовсе не провинциальный, сильно ополяченный шарм. И поляков в них и вправду, было много. Пред нами случилось с польскими путешественниками курьезное приключение, и мы слышали о нем неоднократно. Молодая пара катила в машине с домиком прицепом. Ночью на трассе, муж остановился и, открыв капот, проверил уровень масла в двигателе. Его молодая супруга, спавшая в домике, ощутила остановку и в чем мать родила, а дело было ночью, вышла до кустиков. Поляк не предполагавший об отлучке суженной, закрыл капот и продолжил путь. Молодая панночка, облегчившись, с ужасом обнаружила себя голой на совершенно пустой трассе. К счастью, деревенька оказалась не очень далеко. Панночка постучалась и, сильно напугав семейство хаты, получила приют и рубище в качестве одежды.

Язык Буковины схож с польским, и женщина кое-как смогла объяснить свое положение. Тем временем муж, утомившись у руля, решил отдохнуть и, войдя в домик-прицеп, обнаружил отсутствие супруги. Путем дедуктивных размышлений, сообразительный шляхтич понял, что случилось, но не вспомнил место своей остановки. В работе по воссоединению семьи из братской Польши приняло участие огромное количество самых разных людей, и история закончилась хэппи-эндом.

В Черновцах, европейском с готическим налетом городке, мы без труда разыскали брата таксиста, и тот конвейером дружеских связей, поселил нас на прудах в охотничьем доме, принадлежавшем партийным тузам Буковины. Домик стоял километрах в тринадцати от города, имел несколько комнат увешанных рогами, холодильник, много диванов и своим балконом выходил на каскад прудиков. Налет своеобразного партийного шика казался нам необычайно комичным, а прудики скорее декоративными. Рано утром я взял удочку и вышел на разведку. Червяков в сухой пыли разыскать мне не удалось. Зная, что карась, а присутствие его в водоеме наблюдалось невооруженным глазом, не откажется от хлебной приманки, я сделал из хлеба нечто вроде массы, и забросил нехитрую снасть с бережка. Через минуту я вынул карасика размером с ладонь. Улов заставил меня развеселиться. Проехать столько верст, для такого скромного трофея, мне показалось смешным. Следующий заброс доказал, что я не прав. Поплавок ушел под воду, а спуск и глубина прудика, где я начал ловлю не превышал метра. Я подсек. В результате что-то без всяких усилий, не напрягаясь, оборвало мою леску. Я перестал веселиться, ручонки мои затряслись. Я снова нацепил мякиш и закинул удочку. Карасик с ладошку ни заставил себя упрашивать, но я уже не расслаблялся. Компания продолжала спать, поскольку раннее утро, время рыбака, а рыбаком в компании числился я один. Сторож домика, поселив нас, с удовольствием отбыл в город, а никого другого в радиусе десяти километрах я не видел.

К одиннадцати часам натаскал ведро карасиков. Все они, как близнецы были одного размера и мерцали золотом бочков. Закончив с рыбалкой, я бросил остаток хлеба в пруд, и

уже хотел отправиться будить компанию и требовать помощи в зачистке улова, как замер пораженный. Плавающий кусок хлеба внезапно исчез. Причем, не растащенный стайкой карасиков, а одним махом. Огромный круглый рот засосал ломоть, оставив на воде легкие расходящиеся круги. Я побежал в дом, отломал корку хлеба, привязал к концу снасти несколько мелких крючков и, сняв груз, направился обратно к прудику. Забросил хлеб без груза, и он поплыл слабо гонимый ветерком. Прождав, я снова сменил хлеб, и снова забросил, поскольку старый намок и начал притопляться. Я, конечно, сообразил, что гигантский, круглый рот может принадлежать только карпу. Но обладатель такого ротика обязан был весить больше десяти килограммов.

Напрасно друзья и дама сердца требовали моего участия в застольях и беседах. От пруда, стойко вынося остракизм компании, я не отходил целый день. Должен сказать, что мой соавтор по написанию сценария, режиссер, Владимир Сергеевич Иогельсен (увы, его уже нет в живых) человек необычайной судьбы и большой мастер, как бы теперь сказали, приколов. Он был на много старше меня. Учился в довоенном Ленинграде вместе с такими корифеями, как режиссер Борис Равенских, артист Аркадий Райкин, и единственный из живущих ныне Никита Богословский. Страсть последнего к розыгрышам давно стала легендой. Иогельсен в этом искусстве не очень отставал. Хотя в его судьбе веселого было мало. Оказавшись на гастролях с театром в окруженном немцами Пятигорске, Владимир Сергеевич попал в плен и провел остаток войны в Гамбурге. Там, под бомбами американских союзников, играл пьесы для заключенных в русской труппе вместе с загадочной Ольгой Чеховой. После освобождения Красной армией провел пятнадцать лет в лагерях, уже наших. После смерти вождя народов Владимира Сергеевича выпустили на свободу и дали курс в Ташкентском театральном институте. Пережив блокаду, немецкий плен и наши лагеря, он умудрился сохранить оптимизм и острый наблюдательный глаз режиссера. А мой вид, в носовом платочке вместо панамы, с покрасневшим от чрезмерного загара пузом, и с удочкой в дрожащей руке, повод для издевательств давал. Но ни его уничижительные насмешки в присутствии дамы сердца, ни соблазн холодного пива в тени террасы, ни жаркое настырное солнце не могли оторвать меня от прудика. Часов в шесть вечера я своего дождался. «Рот» взял хлеб и я подсек. Леска не порвалась. Но в долю секунды с треском лопнул пластик удилища и его конец, под моим удивленным взглядом, скрылся в пучине. Затем, в центре пруда огромный карп вылетел на пол метра и, с грохотом разметая фонтаны брызг, ушел под воду. Поплавок и конец удилища я извлек, зайдя по шею, но карпа на леске давно не было. Следующий день я снова дежурил на берегу. Карасики растаскивали мою корку, но ОН больше не появлялся. Через три дня вернулся сторож и поведал, что в этих прудах рыбачить смертным запрещено, и карп здесь вырастает до пятнадцати килограммов. Ловить его можно на жмых. Но если я очень хочу, он возьмет сеть и карп наш. От этого предложения я с возмущением отказался. Победить рыбу таким нечестным способом, мне казалось недостойно.

– Секретарь райкома не рыбак. – Сообщил сторож. Поэтому дальнейшая судьба великана могла сложиться удачно.

Прожив в партийном домике четыре дня, мы поехали на машине брата московского таксиста в Черновцы, и там мой тбилисский друг нашел письмо своей балеринки. Она уже два дня томилась на частной квартире. Встреча друга с возлюбленной навернула слезы на наши глаза. Вечером на террасе охотничьего домика состоялась помолвка, и мы наутро, с трудом свинтив организмы после ночного застолья, отправились в Кишинев. В этом путешествии случилось еще немало всевозможных приключений, но к рыбной теме они отношение не имели, и рассказывать о них я тут воздержусь.

От волжского мата к семейному скандалу

Есть такие кусочки земли, которые почему-то привязывают тебя на много лет. Туда тянет, как домой, и ты начинаешь вить там, пусть временное, но свое гнездо. Таким местом для меня стало озеро Селигер. До Селигера я обживал Волгу. Рыбачил в ближайшей под Москвой Новомелкове, тащился на мешочном рыбинском поезде с Савеловского вокзала до Скнятина. В Скнятине егерем служил мужик Саша вместе с Кантария нацепивший красный флаг над поверженным Рейхстагом. Там, в охотхозяйстве Министерства обороны я наблюдал, как упрямый генерал, с раннего утра краснея, и наливаясь злостью, дергал шнурок своего лодочного движка, а к полудню получил удар и отошел в иной мир. Забирать тело бедняги прибыл военный оркестр.

Генералы там бывали часто. Я это помню, потому, что Саша, строя шалаши для генеральской охоты волновался, какие приедут чины и каких размеров у них живот. Шалаш маскирует стрелка от утки и живот охотника должен в шалаше умещаться.

Долгая привязанность к Волге скорее запомнилась местными жителями, необычайно колоритным и нежным матом. Тот же Саша, переправив меня через реку, поезд останавливается с другой стороны, поднимался в свою деревню. Тяжелый мотор он играючи нес на плече. Возле крыльца стояла заплаканная девочка с хилыми русыми косичками, тонкими кривыми ножками и выразительной соплей в одной ноздре меленького курносого носика. Девочка плакала, потому что не могла открыть дверь.

– Матушка, идтить твою мать. – Обратился к ней Саша, опуская мотор. – Что ж ты тут, бля плачешь? Пошла бы на хер в избу, взяла бы, идтить твою мать каши и бля покушала.

После этого, сказанного проникновенным ласковым тоном утешения, девочка перестала плакать и исполнила совет дедушки. Саша не ограничился только устным наставлением, но еще снял со стены полотенце и нежнейшим образом утер нос ребенку.

Персонажи Волги запомнились надолго. Но о самой рыбалке, о множестве рыбалок рассказать по сути нечего. Были удачные клевные зори, были пустые, но ничего острого не запомнилось.

На Селигер же я попал случайно. Имел два свободных дня, сел в машину и поехал. Я только закончил ремонт квартиры. Шел семьдесят восьмой год. Ремонт требовал в те времена не только финансовых затрат, но и огромных связей, что тогда именовалось блатом. Завмаги получали министерские почести, на них только не молились. Ложи большого театра, злачные выставки, банкеты и юбилеи знаменитостей были для них раскрыты настежь. Достать приличную плитку, кухонную мебель или обои можно было только с черного хода в качестве милости этих всесильных господ. Пришлось дружить с этим народом и мне. Жена требовала комфорта и я, наступив на горло своей Музе и своей Лени, совершил этот подвиг. Естественно, что пару дней я имел в качестве награды. Супруга никуда ехать не желала, она обживала ремонт. Часа за три с половиной я добрался до Осташкова. С Ленинградки от Торжка, который так часто посещал Александр Сергеевич Пушкин, и где советовал кушать пожарские котлеты, ровная бетонка тянется к Селигеру и заканчивается в Осташкове. Городок этот чрезвычайно мил и уютен. Улыбку вызывает названия улиц. Например, в Осташкове мне запомнился Ленинский проспект. Он тянется примерно с километр и являет собой дорогу крытую битым асфальтом, две грузовые машины на которой, разъезжаются с трудом. По бокам проспекта, стоят высокие, волжского типа избы, с заборами и тесовыми воротами. В магазине уцененных товаров на Ленинском проспекте Осташкова я купил себе роскошную панаму и складной нож, заплатив за все покупки пять рублей.

Осмотрев городок и причал, с которого открывался вид на основную чашу, я вернулся по шоссе несколько километров назад и, не доезжая моста через озеро, повернул направо.

Дорога перешла в проселок, проселок в две колеи и эти колеи уперлись в деревню Селище, что на самом берегу озера. Селигер здесь скорее похож на широкую реку. Подъехав к берегу на самый край деревни, я увидел тощего мужика по имени Гриша. Я попросил молока. Мне вынесли и молоко, и краюху хлеба, и картоху, сваренную в мундире, и соленый огурец. Оглядев яства, я намекнул, что это уже закуска… Гриша быстро смекнул и ответил:

– Сбегаю.

– Если оставишь ночевать – беги. – Согласился я, понимая, что за руль сесть уже не смогу, а уезжать, не порыбачив, мне вовсе не хотелось. Так я познакомился с Гришкой, его женой Верой, сыновьями Колей, Петей и дочкой Наташкой. Сыновьям и дочке было девять, одиннадцать и двенадцать. Позже, я пронаблюдал, как Наташка вышла замуж, а Петька с Колей уехал после армии в Ленинград, и, женившись там, устроились работать в порту. К родителям на Селигер они наведывались летом, Петя важно раскуривал капитанскую трубку, а Коля слушал в наушниках шлягеры. Не могу не поделиться тут своим весьма поучительным наблюдением. Гришка пил, что само по себе на Руси не диковина. Пил он загульно, запоями, доводя себя до крайней степени свинства. По всему такое поведение переходит из разряда пьянства в разряд болезни. Я знаю, что вылечить алкаша практически невозможно. Все методы, включая новомодных экстресенсов, обычно ни к чему не приводят. Во всяком случая, я о бросивших пить алкаголиках байки слыхал, но на личном опыте всегда убеждался в обратном. Какого же было мое удивление, когда, посетив семью через много лет, я узнал, что Гриша в рот не берет спиртного. Причем не год, не два, а почти десять.

По приезде, я по обыкновению достаю бутылку и, подмигнув хозяину, приглашаю его разделить радость встречи. А тут чудо! Вместо того, чтобы выдать идиотскую улыбочку и быстро воспользоваться приглашением, Гриша опасливо оглядывается, и с криком: «Ты чего, не знаешь!? Не пью я!» – быстро удаляется.

Причина оказалась проста. Сыновья выросли. Однажды, приехав уже со своими чадами в отпуск, они застали папаню в подзаборной луже, и жестоко его выпороли. А на другой день вызвали протрезвевшего родителя для резюме и сообщили, что если Гриша позволит себе еще хоть раз опозорить их гордую фамилию Гореловых, они папаню пришибут до смерти. И Гриша завязал. Вот тогда я и понял, что существует радикальное средство против национальной беды.

Но это все было потом, а в тот день я выпил с Гришей водки, закусил огурцами с творогом, да и поплыл на свою первую рыбалку на Селигере. Я настроился на леща, поскольку давно и много слышал о нем от рыбаков, залипших к Селигеру.

К Селигеру именно залипаешь. Он засасывает, и не сразу разберешься чем. Либо очарованием городка Осташков, либо уютными заливчиками и протоками, при наличии огромной водной чаши, может быть людьми, а возможно всем этим вместе взятым. Уж больно настоящая тут Русь. Недаром главная река державы берет в этих местах свое начало.

Предвидя добротного леща, я зарядил крепкую леску. Красных навозных червяков нашел в избытке за скотным сараем. Комбикорм у Гореловых в хозяйстве тоже имелся. Намешав прикормки, я стащил лодку на воду и, погрузив в нее все необходимое, отпихнулся от берега. Время шло к вечеру. Озеро, поросшее камышом, то расширялось, то сужалось. Я плыл на своем надувном катамаране, которым очень гордился. Американская лодка, фирмы НАУТИЛСПОРТ легко несла небольшой моторчик по кличке «САЛЮТ». Я облюбовал заводь и уткнулся носом в камыши. Заводь меня приманила травяными зарослями, и я примостился недалеко от края травы, зная, что лещ такие места уважает. Бросив подкормку, не спеша, размотал два удилища, раздвинул перископы, привязал поплавки, надел грузики. Обстоятельно отладил заглубление поплавка. Я ловлю на скользящий поплавок, просовывая леску только в одном месте, в ушко. Многие пропускают ее в два отверстия. Через два в том случае, если налипнут водоросли, или другой мусор, леска часто застревает и груз

идет ко дну рывками. Если в водоеме много верхоплавающей сорной рыбы, наживка может быть съедена, не добравшись до глубины. Обычно все эти приготовления я делаю дома, но в этот раз, не зная, что и где стану ловить, от предварительной подготовки отказался. Вертлявых, красных червяков я забросил одного на дно, другого рядом с дном. Оба поплавка пошли вглубь одновременно. Я схватил одну удочку, затем другую. Добычей оказались два окунька, немного больше коробки со спичками каждый. Мне это не понравилось. Во-первых, я настроился на леща и бросил подкормку, во-вторых, прекрасных вертлявых червяков с оранжевыми прожилками я имел не так уж много. Окуньков, поначалу я не выбросил, а положил в ведерко, вспомнив о наглом рыжем коте в Гришином хозяйстве, который за время нашей трапезы выказывал мне всяческие знаки внимания. Лез на колени, терся о брючины, и вел откровенный подхалимаж. Но количество рыбешек казалось бесконечным, я решил, что ужин для наглого котищи становится слишком обильным. и начал отпускать окуньков обратно. Наконец наступила пауза в их клеве и я полез в карман за сигаретами. Но закурить не успел. Правый поплавок прилег, потрогал концом воду, как трогает ее стрекоза попкой, и плавно попер вглубь. В первый раз на Селигере я намочил подсачек. Это очень приятный для рыбака момент. Подлещик тянул граммов на шестьсот. Для четырех часов езды от нашего столичного мегаполиса, где в радиусе полутора сотен километров загажено, или отравлено почти все живое, это добыча. Следующий подлещик оказался мельче. Граммов на триста. Таких я вытянул с пяток. Потом взял лещ. Это была уже рыба. На взгляд килограмма полтора или немного больше. В садке он стал быстро краснеть. Бока его позолотились. Клев оборвался внезапно. Я подбросил еще подкормки. Солнце шло к лесу. Рыбачить оставалось не больше часа. Я боялся в темноте не найти Гришкин, заросший камышом причал. Ведь эти места я осваивал впервые.

Поплавок прыгнул неожиданно и резко. Я подсек. Удилище согнулось в дугу. Рыба не ходила кругами на вытянутой леске, а тянула как лебедка. Я не смог с ней справиться. Крючок был оборван. Я осмотрел снасть, прекрасная японская леска, превратилась в спираль или пружину. Я никогда не видел такого. Кто же это мог быть?

Конечно угорь. Я вспомнил, что на Селигере его ловят. Но ловят на переметы ночью. Перемет, крючков на сто, ставится затемно, чтобы мелочь не сбила червяка. Ночью мелочь спит.

Я привязал крючок, и не успел затянуть третий узел, как поплавок другой удочки нырнул. Подсекаю, та же тяжесть. В тот первый вечер я вытащил трех угрей. Один из них весил больше кило. Когда я пытался вынуть крючок из его железной губы, угорь уцепился хвостом, как ногой за дощечку в деревянном настиле лодки. Моя надувная лодка имела сборный, красного дерева пол. Угорь потянул хвостом и вырвал леску из крючка. Невероятной силы рыба. Но это было не последнее и далеко не худшее зло, сотворенное этой тварью.

На пристани меня ждали Гриша и кот Васька. Рыжий бандит с урчанием принялся за окуньков, отогнав миловидную черно-белую Мурку. Мурку пришлось кормить в стороне. Гриша истопил баню и ждал меня париться. Если дом Гореловых находился почти на берегу, то банька торчала в поле метров за триста от воды. Таскать туда ведрами воду стоило немалых усилий. Банька топилась по черному. Пока я норовил миновать голым задом соприкосновения со слоем сажи, Гришка пояснил, что баня осталась от их отца, дом которого находился тут же. Дом, оправдывая фамилию рода, сгорел, а банька осталась. Не строить же другую, раз есть?

Я этот разговор запомнил. Через год на берегу, прямо возле мостков стоял странный домик. Одна его половина предназначалась для семейной бани Гореловых, а в другой имелась моя личная опочивальня. Высокая кровать, что соорудили столяры из театра им. Образцова, позволяла лежа наблюдать в окна зеркальную гладь вод озера. Но домик я построил через год, а первый раз спал в маленьком шалашике, в котором игрались дети хозяев. Потес-

нив тряпичных кукол, я устроил свой надувной матрас и, спросив марлю, перегородил комариному воинству доступ к собственному телу. Гриша и Вера предлагали перинную кровать с шишечками в доме, но, глотнув спертого, от времен постройки непроветриваемого воздуха, я вежливо отказался. Угри мои были посажены в металлический садок с мелкой сеткой и опущены в воду. Из любого другого они бы смылись.

Рассветным утром, копаясь на берегу с лодкой, подкачивал ее после прохладной ночи, я заметил сутулого мужичка с ленинской лысинкой, бредущего к соседним мосткам. Он волок удилища из ободранных и просушенных орешин. Такими удилищами городские давно уже не ловят. «Ленин» вычерпал из своей плоскодонки березовым черпаком воду и подошел ко мне. Оглядев мой «НАУТИЛСПОРТ», он уважительно поздоровался и спросил:

– Рыбачить?

По тем предметам, что виднелись в моей надувной лодке ответ и так был ясен. Я понял, что «Ильич» желает беседы, и с удовольствием его поддержал в этом желании. «Ленина» звали Пантелимонычем, и он сильно жаловался, что теперь рыбы мало и не та, а раньше было много и той. Я, имея в садке килограммов шесть вчерашнего улова, не слишком поверил старику. Но, увы, он оказался прав. И причиной грустного явления явилось вовсе не доброе старое время, а подлая рыбацкая артель и ее гнусный кораблик. Эта артель электрической сеткой с мельчайшей ячейкой раз в месяц выгребала из всех закоулков Селигера все живое. Угри шли к барскому кремлевскому столу, а мелочь паковалась в ящики, и свозилась на утиную птицефабрику. Чем объяснить такой варварский подход к собственному водоему, я не знаю. Возможно, спецификой русского характера. Через десяток лет поймать кроме пятидесяти или в лучшем случае стограммовых подлещиков на Селигере стало удачей. Это одна из причин, что я перестал там бывать.

Пателемоныч, как я потом узнал, не без основания, слыл лучшим добытчиком рыбы во всей округе. Он, на своей дырявой плоскодонке, дальше ста метров от берега не отплывал. Когда я вернулся с первой Селигеровской зорьки, в его садке оказалось десяток лещей не менее полутора кило, а один был не меньше трех. Я же в то утро добыл десяток подлещиков не дотянувших до килограмма и еще одного угря, что вызвало завистливое удивление даже у Пантелемоныча. Днем я покатался по озеру на моторе, оглядывая места для будущих рыбалок, а к десяти вечера уже подъезжал к Москве. Живые угри во влажной мешковине доехали в полном здравии. Я показал жене мешок и вывалил змеевидных рыб в ведро с водой.

– Зачем ты притащил в дом змей, – закричала моя женушка. Я гордо пережил отсутствие восторга супруги, поставил ведро с угрями на кухню и пошел в ванную.

Наслаждаясь душем, я снова услышал крик любимой, но уже с нотками ужаса. Выскочив намыленным из ванны, я застал бледную жену стоящей на нашем супружеском ложе в туфлях.

– В чем дело? – испугался я.

– Их там нет! – крикнула женщина и указала перстом в сторону кухни.

Я отправился в указанном направлении и заглянул в ведро. Угри исчезли. Мы вместе обшарили всю квартиру. Беглецов нигде не было. Потом я залез под только что установленную мойку, и обнаружил плотное кольцо из змееподобных тел. Вытаскивая угрей, я пошевелил сантехнику, и ночью нас разбудил крик уже за дверью. Оказывается, вытягивая рыбу, я что-то нарушил в трубах, и нижняя квартира оказалась залитой. Угри обошлись мне дорого. Ремонт нижних соседей пришлось оплатить. С тех пор я живых угрей домой не привозил, а заставлял Гришку коптить их на берегу. Но эта первая рыбалка на Селигере привязала меня к озеру на много лет.

Пусть сильнее грянет буря, когда я в тепле и под крышей.

Немало разного случалось со мной на Селигере. Он одаривал не только спокойным и комфортным ужением. Однажды я на своей надувной лодке совершил путешествие через Очаков, пересек большую чашу и остановился на острове с монастырем и милой деревенькой. Пожилые пенсионеры Иван и Серафима предоставили мне свою терраску для ночлега. На острове я собирался пробыть трое суток. К концу третьего, дня меня ждал товарищ, чтобы забрать на своей машине. Ехать в Москву с лодкой, мотором и снастями поездом, тяжело и хлопотно. Для того, чтобы попасть на свидание с ним вовремя, я должен был пересечь основную чашу. Моя машина стояла в ремонте и любезность товарища меня очень устраивала. Ловил я в тот раз не много. Однажды вытащил на зимнюю мормышку двухкилограммового леща из глубокой ямы, но больше времени проводил, разглядывая новые места, и пописывал этюды. Фотографировать я не люблю, поэтому, чтобы сохранить память о местах полюбившихся, берусь за кисть. Утром третьего дня проснулся от гула. На часах около шести, но рассветать, не собиралось. Гул шел от Селигера. Шквальный ветер бросал на берег пенные брызги. Плыть на моем кораблике в такую погоду я не предполагал. Но товарищ специально пропилит из Москвы около трехсот верст, а я не явлюсь. Очень скверно получится. Я решил плыть. Серафима с Иваном долго меня отговаривали, но поняв, что я упрям и не поддаюсь резонам, отстали. Я упаковал документы в целлофан, заправил бачок моего «салютика» смесью бензина с маслом, и в десять часов утра кое-как отпихнулся от мостков причала. «Салют» жалобно завыл и потянул в озеро. Селигер бушевал по-настоящему, волны путались и крутили. Очень трудно было держать лодку носом к волне. Через минуту я промок. Сидел я на канистре с бензином, который надо доливать по ходу, поскольку на семь километров бачка не хватает. Постепенно моя резиновая посудина, начерпывая бортами, стала набирать воду. Но держалась на волне она молодцом, точно утка. Американцы дело знают. Я проверял лодку, наполнив ее водой. Став плавучей ванной, она все равно меня удержала, да еще не одного. Зная это, потонуть, не боялся. Идти пришлось против ветра. Слабый моторчик надрывался. Временами я не понимал, стою я на месте, или все же двигаюсь. Тучи поднялись. Они неслись над головой с бешеной скоростью. Иногда, в рваных дырах, проглядывало солнце. Но от этого пейзаж выглядел еще злее. Самым тяжелым испытанием оказалась заправка горючим. Я имел воронку и пытался через нее наполнить бочок, но ветер рвал бензин, не давая ему течь. Половину, как ни грустно признаться, я пролил мимо в лодку, и не малую толику в озеро. Это был единственный случай, когда я нанес вред водоему. Дозаправляться пришлось дважды. Пока я пытался влить смесь в бочок «салютика» ветер злобно гнал меня обратно. Я шкурой чувствовал, как вырванные у Селигера метры он отнимает у меня назад. Плыл я часа четыре и еще не видел Осташкова. Значит, дотянул только до середины чаши. Очень хотелось курить. Но вынуть сигарету, значит намочить ее. Зажигалка, на таком ветру бесполезна, спичка тем более. Кроме того, я сильно полил вокруг бензиновой смесью, и искра могла дать вспышку. Правда, это опасение, скорее всего, неосновательно. Вода заливала все. Я промок до нитки. Дождевик пришлось снять, капюшон и плащ парашютили и создавали лишнее сопротивление. От воды плохо видели глаза. На момент пришла мысль, что Селигер меня прикончит, но тут показался Осташков. Он мучительно медленно вырастал на горизонте, но один его вид вселил уверенность и прогнал упаднические мысли. Красный «жигуленок» моего товарища я заметил издалека. Удивительное чувство победы охватило меня. Последние десятки метров я прошел, как на параде, с приспущенной в воду задницей (в лодке ее скопилось вдоволь) и с гордо поднятой головой.

Уже в машине, раздетый и укутанный в плед, с бутылкой армянского коньяка в руке, предусмотрительно приобретенной товарищем в осташковском гастрономе, я млел от дивного чувства преодоления стихии. По сути, я совершил глупость, но почему такая радость именно оттого, что я ее совершил?!

На другой день в Москву пришла телеграмма с острова. Иван и Серафима просили сообщить, жив ли я? В тот ураган на озере затонуло семь «казанок» и девять человек погибло. Перечитав два раза телеграмму, я подумал, что не прав Алексей Максимович Пешков. Буря, может явление и впечатляющее, но наблюдать ее приятнее из окна теплого и крепкого дома.

Преодолевая склероз и время

Вспоминая водоемы, на которых в прошедшие годы пришлось рыбачить, невольно воспринимаешь свой возраст, как мешок за плечами. Если в нем порыться, можно извлечь немало любопытного. Мне пятьдесят восемь. Из них я, наверное, пятьдесят два с удочкой. Первого пескаря поймал в речке Сходня шестилетним господином. Но это событие в памяти размыло. До сих пор помню другой эпизод из тех доисторических времен. Над сходненским оврагом нависла тучка. Основная часть неба чистая и голубая, но тучка приближается. Молодой мужик, а может быть, подросток, на меня тогда и пятнадцатилетний производил впечатление взрослого, пришел на берег и распутал свою удочку. Вскоре пошел дождь. Но туча солнца не спрятала, и струи дождя сверкали в солнечных лучах. Парень забросил снасть в быстрое течение и сразу поймал пескаря, за пескарем, подуста, потом голавля. Что ни заброс, то поклевка. Я стоял, разинув рот в прямом смысле, и следил за каждым его движением. Года через три и сам наловчился.

В Подрезкове жила моя бабушка. Репрессированную бабушку, после амнистии, в Москву не пускали, но дали возможность жить на собственной даче, оставив за ней две комнатки на втором этаже. Дача была старая, барская, комнат там было много. В те доисторические пятидесятые годы, дачная станция Подрезково по Октябрьской железке, считалась не ближним Подмосковьем. Москва кончалась на месте нынешней погорелой останкинской телевизионной вышки. Дальше шли пригороды. Канал и Химки находились, по тогдашним понятием, далеко за городом. Там строили дачи. Электричек еще не водилось. Дачников развозил паровичок. Платформы на станциях были низкие, и мне в мои шесть лет забираться в вагон всегда было волнительно. Почему-то больше всего запомнились поездки в Подрезково с неродным дедом Василием Алексеевичем, которого я звал деда Вася. Василий Алексеевич садился в вагон для курящих. В дачном поезде один вагон предназначался курильщикам. Там дед доставал портсигар, извлекал из него плоскую сигарету, типа «Примы», резал ее на две части. Одну часть убирал обратно, а второю засовывал в мундштук. Так он сидел довольно долго, потом закуривал. Окна в вагонах открывались, но помимо свежего воздуха, туда затягивало паровозный дым. В вагоне, кроме вони от курильщиков, еще пахло паровозной гарью. Запомнилась висевшая на лавке рядом с дедом, неизменная авоська с продуктами. Снедь возилась на дачу из Москвы. Как я уже отметил, на даче бабушки, хозяйка которой она была до красного переворота, имелось десять комнат. После конфискации в них поселили несколько семей, среди которых была семья школьного учителя физики. Имени его я, конечно, не помню, но прекрасно помню, что он был заядлый рыбак. Заметив мое сильное увлечение рыбацким делом, учитель однажды взял меня с собой. Если река Сходня текла рядом, в овраге, то до Клязьмы надо было топать километра три. Сначала до Ленинградского шоссе и деревни Черкизово, затем, перейти шоссе и дальше в сторону нынешнего аэропорта Шереметьева. Никакого аэропорта в те времена там не было и в помине. Самолеты летали с аэродрома в Тушино. Но поляны и перелески сохранились до сегодняшнего дня. Конечно, сильно порубленные и потесненные дачными «товариществами», но загаженные не до конца, чему «виной» зона аэродрома. Клязьма там течет и сегодня, но есть ли в ней рыба, предполагать опасаюсь.

Свой детский поход на Клязьму с рыбаком учителем, помню подробно. На берег мы вышли на закате. Солнышко висело низко, и до сумерек оставалось часа полтора. Учитель насадил червяка и забросил. Я внимательно отследил за его манипуляциями и постарался повторить. Первого окуня он поймал через минуту. Мне тоже окунь попался минут через пять. Скоро я понял глубину и приноровился к течению. Окуней в тот раз я словил штук двадцать, учитель в два раза больше. В те времена места вокруг нынешнего Шереметьева

оставались дикими. Рыбаков на Клязьме было мало, а окуней тьма. На следующий день я путешествие на речку повторил самостоятельно. Урок умелого рыбака сильно подвинул мое рыбацкое обучение.

Лет двенадцати от роду, я рыбачил на красивейшей подмосковной речке с лирическим названием Вологуша. Эта речка течет внизу Парамоновских оврагов, недалеко от станции Турист Савеловской железной дороги. Мать снимала избу под дачу в деревне Григоркове, что в двух с половиной километров от речки. Каждый день, взяв ломоть хлеба и кусков десять сахара, отправлялся я туда на рыбалку. Ловил и приносил домой красноперку, голавликов и пескарей. С бугра, если смотреть на Вологушу, можно было наблюдать, как полукилограммовые голавли замерли у самого верха. Они держались в метрах пяти от переката и ждали, что приплывет к ним в пасть. Крупные мне не попадались, но мелких я наловчился ловить на слепней. Пускал слепня по течению без поплавка и смотрел, когда он очутится в пасти у голавля. На Вологуше я поймал свою первую крупную рыбу. Ей тоже оказался голавль. Я ловил пескарей, и забросил червяка в водоворот. Вода под прибрежными кустами пенилась и кипела. Там и взял голавль. Я вытянул его на камешки плоского берега. Детское сердечко от рыбацкого восторга долго колотилось. Не передать, с какой гордостью я нес свою добычу домой. В той же самой деревеньке Григорково помню и свое первое браконьерство. В те дохрущевские времена, сразу после смерти Сталина, деревня начала оживать. Маленков, которого старые крестьяне до сих пор считают благодетелем, снял страшные налоги и вернул паспорта. Огромных, придуманных Хрущевом, колхозов-монстров еще не сотворили. Были колхозы деревни. Имелся колхоз и в деревеньке Григорково. Хрущевские перемены пришлись как раз на мое дачное детство. Мне было лет двенадцать, когда Григорково слили еще с десятком деревень. Председатели сменяли один другого, но за время своего короткого правления, кроме воровства, каждый что-нибудь выдумывал. До сих пор помню фамилию Сметанин. О нем григорковцы говорили «наворовал себе на дом и ушел». Этот самый Сметанин решил возле нашей деревни запрудить ручей, что тек внизу. Запрудить и развести в нем карпов. Запруду соорудили и запустили малька. На второй год плотину прорвало, и двухгодовалые карпята разбрелись по ручью. Ручей образовал маленькие прудики, местные звали их бочагами. Не знаю, уж из каких соображений, но ловить карпят в бочагах строго запрещалось. Ребятам этот запрет только добавлял азарта. Ловил карпов и я. Это были рыбы граммов по триста, все одинаковые и клевали они на червяка отменно. Бабулька, хозяйка избы-дачи, бабка Вера, жарила мой улов с удовольствием. Однажды на меня настучали, и в избу приперся колхозный бригадир с милиционером. Карпы как раз шкворчали на сковородке. Бабка Вера засекла в маленькое избяное окошко надвигающуюся опасность, открыла люк подпола и, сиганув туда, как девочка, спрятала сковородку. Вера была сухенькой старушкой и в деревне имела прозвище «Сухарик». Проверяльщики, хотя запах жареной рыбы унюхали, ушли ни с чем.

Карпы были для меня по тому времени рыбой крупной, но их домашнее происхождение уважение к добыче принижало. Все-таки первой крупной рыбой я по-прежнему считаю голавля с Вологуши.

С того дня прошло почти пятьдесят лет, подмосковные реки из чистых и рыбных превратились в сточные канавы. На удивление, в одной из таких, Пехорке, с горячей, незамерзающей водой и сегодня можно выловить сазана кило за семь. Но съесть его отважится только самоубийца. Хотя на трассе местные жители пытаются всучить карася и сазана проезжающим. Рыба из Пехорки представляет лишь химический интерес на предмет содержания всевозможных несъедобных элементов.

Грустно сознавать, что молодые люди не увидят чистых быстрых рек поблизости от столицы, лесов с ландышами весной и грибами летом, а, заглянув в так называемую лесопарковую зону, найдут там кучи дряни, мусор, пластиковые бутылки и другие следы хама. Такая

же картина на берегах живописных подмосковных прудиков. В пруду, например, известного дачного поселка Кратово, я лицезрел, помимо самых разнообразных человеческих отходов, и ржавеющие остовы брошенных легковушек. Мне кажется, что пока наши люди не обретут чувство эстетической брезгливости и не перестанут обитать среди помоек и свалок, никакой президент или государственный строй Руси не поможет.

Встреча с морским волком

Рыбалить на быстрых реках очень интересно. Начинал я эту охоту с той же ошибки, что очевидно, свойственна всем начинающим. Я пытался забросить наживку как можно дальше. Много лет понадобилось мне, прежде чем я освоил ловлю под берегом. Если кто-нибудь еще не пробовал, – рекомендую. Найдите берег, о который бьет течение. Такой берег, обычно, подмыт и идет в воду отвесно. Постарайтесь погнать наживку прямо в берег. Пускай поплавок бьется о стенку берега, или болтается рядом, уверен, поклевка обеспечена. Рыба любит покусывать отвесные берега, искать там корм. И щука редко стоит на гладкой воде. Она, обычно, прячется в прибрежную зелень, высовывая только голову. Проведите живца или малька рядом с такой береговой травкой и щука ваша. На чистой воде с прикормкой берет лишь плотва. Но плотва – дура. Ее только ленивый не поймает. Правда, уха из плотвы, выловленной в чистых речках, удивительно хороша. Щука не так вкусна, зато охота на нее одна из самых завлекательных. Я уже говорил, что не спининггист, а поплавочник. Даже встреча на кубанских лиманах с великим мастером блесны не совратила меня. И я продолжаю охотиться на нее с живцом. О ловле щуки мне есть, что рассказать, но сперва – о встрече на лиманах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.